

Спаский А. А. Филоксен Иерапольский: (По поводу издания некоторых его сочинений) // Богословский вестник 1896. Т. 3. № 10. С. 144–159 (2-я пагин.).

Филоксенъ Іерапольскій.

(По поводу изданія нѣкоторыхъ его сочиненій).

The discourses of Philoxenus bishop of Mabbôch (485 — 519). Edited from syriac manuscripts of the sixth and seventh centuries in the Britisch Museum with an english translation by Wallis Budge. T. 1 — 2; voll. 2. London, 1894.

Извѣстно, что изъ догматическихъ движеній, часто волновавшихъ собой восточную половину древне-вселенской церкви, ни одно не имѣло столь продолжительной исторіи и не сопровождалось такими потрясеніями для церкви и государства, какъ борьба съ монофизитствомъ. Зарожденіе монофизитской ереси и формулировка ея основныхъ положеній относятся еще къ IV-му вѣку ¹⁾; завершеніе же обще-церковной борьбы съ нею принадлежитъ концу VII-го вѣка, когда послѣдняя попытка византійскихъ императоровъ привлечь монофизитовъ къ церкви путемъ компромисса въ ученіи о Лицѣ Богочеловѣка, была осуждена VI-мъ вселенскимъ соборомъ (680 г.) и приверженцы монофизитства окончательно выдѣлились изъ церкви. Это была борьба упорная, страстная, полная всевозможныхъ тревоженій и злоключеній; религиозные мотивы въ ней переплетались съ интересами національными и разчетами политическими; она низвергала съ трона Константина Великаго старыя династіи и возводила на него новыя; были моменты, когда разрываемая религіозными распрями византійская

¹⁾ Главный тезисъ монофизитства: „одна природа Бога Слова воплощенная“ былъ высказанъ еще въ 60-хъ годахъ IV го вѣка.

имперія готова была, повидимому, навсегда распасться по своимъ составнымъ частямъ. Каждая изъ спорящихъ сторонъ выставила въ этой борьбѣ людей широкаго образованія, неистощимой энергіи и непреклонныхъ убѣжденій, — людей, нерѣдко жертвовавшихъ жизнію защищаемому ими ученію. Для вселенской церкви борьба съ монофизитствомъ окончилась побѣдой, но эта побѣда досталась ей дорого: цѣлыя области отдѣлились отъ нея и образовали самостоятельныя христіанскія общины, которыя въ лицѣ коптовъ, яковитовъ, армянъ и маронитовъ и доселѣ продолжаютъ существовать внѣ союза съ церковію... Многія страницы изъ исторіи этой глубоко знаменательной борьбы остаются, однако-же, все-то еще не прочитанными. Конечно, лучшія сочиненія, вышедшія изъ-подъ пера церковныхъ писателей — противниковъ монофизитства, оффиціальныя документы въ родѣ актовъ соборныхъ и императорскихъ указовъ, хронографія и труды историческаго характера, рассказывающіе намъ о разныхъ событіяхъ, сопровождавшихъ споры съ монофизитами, — давно изданы и доступны для всѣхъ желающихъ. Но, будучи произведеніемъ одной только изъ борющихся сторонъ, всѣ эти памятники имѣютъ тотъ общій имъ недостатокъ, что они часто сообщаютъ намъ неполныя, односторонне освѣщенные свѣдѣнія касательно противной имъ стороны, передаютъ извѣстія, заимствованныя изъ области слуховъ и никѣмъ непровѣренныя, и нерѣдко по своимъ соображеніямъ проходятъ молчаніемъ явленія крупной важности. Изучающій монофизитскую эпоху по этимъ источникамъ на каждомъ шагу чувствуетъ необходимость въ такихъ дополненіяхъ и поправкахъ, которыя бы шли со стороны монофизитской, которыя бы давали возможность выслушать показанія о монофизитствѣ и его исторіи не съ голоса его противниковъ, а прямо изъ устъ его представителей. И такая возможность не отнята совершенно у современнаго историка. Дѣло въ томъ, что до нашего времени дошло очень значительное число произведеній, принадлежащихъ перу монофизитскихъ писателей и заключающихъ въ себѣ богатый церковно-историческій матеріалъ. Эти произведенія сохранились на сирскомъ и отчасти на армянскомъ и коптскомъ языкахъ и пока все еще въ рукописномъ видѣ разсѣяны по бібліотекамъ и му-

зеамъ западной Европы. Нѣтъ надобности разъяснять, какую важную услугу разработкѣ исторіи монофизитской эпохи оказало бы изданіе этихъ произведеній и переводъ ихъ съ малоизвѣстныхъ восточныхъ языковъ на общедоступные; достаточно напомнить, что въ ряду ихъ мы встрѣчаемъ обширные труды такихъ виднѣйшихъ представителей монофизитства, какъ напр., Тимоеей Элуръ, книги котораго противъ Халкидонскаго собора еще въ цѣломъ видѣ хранятся среди сирскихъ рукописей Британскаго музея ¹⁾.

Счастливое исключеніе выпало недавно на долю того монофизитскаго писателя, имя котораго поставлено въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Въ 1894-мъ году Уоллисъ Бѣджъ, хранитель египетскихъ и ассирійскихъ древностей Британскаго музея и членъ разныхъ ученыхъ учреждений, выпустилъ въ свѣтъ два тома, посвященные сочиненіямъ Филоксена Іерапольскаго и отчасти восполняющіе тотъ пробѣлъ въ наукѣ, какой соединялся съ этимъ именемъ. Первый томъ изданія Бѣджа содержитъ въ себѣ сирскій текстъ бесѣды Филоксена о христіанской жизни; второй, — который мы и будемъ имѣть въ виду въ своей дальнѣйшей рѣчи, — распадается на двѣ части: а) введеніе (1—192 стр.), заключающее въ себѣ свѣдѣнія о жизни Филоксена, его сочиненіяхъ, состояніи рукописей и текстъ нѣкоторыхъ догматическихъ его трудовъ, и б) англійскій переводъ бесѣды Филоксена о христіанской жизни.

Кто такой Филоксенъ Іерапольскій и какое значеніе имѣетъ онъ въ исторіи монофизитства?

Филоксенъ первоначально называвшійся Аксенайя или, короче, Ксенай, родился въ третьей четверти V-го столѣтія, въ мѣстечкѣ Тагалъ на границѣ съ Персіей ²⁾. О его родителяхъ, воспитаніи и первыхъ годахъ жизни ничего неизвѣстно. Неизвѣстно также и то, почему онъ сдѣлался монофизитомъ и кто былъ учителемъ его въ этой области. Когда Ксенай долженъ былъ озаботиться о своемъ образованіи, въ восточныхъ областяхъ византійской имперіи давно

¹⁾ См. Wright, Catalogue of the Syriac manuscripts in the British Museum, 1872, II, 639 sqq.

²⁾ Кромѣ Бѣджа ср. Assemani, Bibl. Orient. II, p. 10 sq. Evagrii II. E. III, 31. 32; Theophan. Chronogr.

уже шла горячая борьба религиозныхъ партій, и главнѣйшіе города этихъ областей, какъ Антиохія и Едесса, служили очагами, откуда религиозная полемика расходилась по всей имперіи. Въ Едессѣ Ксеная былъ еще сравнительно въ раннюю пору своей жизни, и здѣсь, вѣроятно, приобрѣлъ ту ученость и тотъ литературный лоскъ, памятникомъ которыхъ остались его сочиненія. Человѣкъ выдающейся энергии, искусный діалектикъ, ловко владѣвшій словомъ, ревностный писатель и практическій дѣлецъ, Ксеная былъ прямой находкой для сирской монофизитской партіи. Онъ скоро сумѣлъ показать себя опаснымъ противникомъ несторіанства и, какъ безпокойный человѣкъ, былъ высланъ на нѣкоторое время изъ антиохійскаго округа Каландіономъ, патріархомъ антиохійскимъ (481—485). Въ 485-мъ году на антиохійской каедрѣ Каландіона смѣнилъ монофизитъ Петръ Бѣлильщикъ (Гнафевсъ), и для Ксеная, на котораго Петръ Бѣлильщикъ смотрѣлъ, какъ на своего единомышленника, открылось новое, широкое поприще дѣятельности. Названнымъ монофизитскимъ патріархомъ онъ былъ рукоположенъ въ епископы въ Іераполь (Мабугъ по восточному названію) и перемѣнилъ свое первоначальное имя Ксеная на Филоксена. — Моментъ, когда Филоксенъ сдѣлался Іерапольскимъ епископомъ, въ исторіи монофизитства былъ очень важенъ; монофизитство переживало въ это время критическія минуты. Его выдающіяся главы, Петръ Монгъ въ Александріи и Петръ Бѣлильщикъ въ Антиохіи лишили себя довѣрія среди значительной части своихъ прежнихъ приверженцевъ; они подписали энотиконъ Зенона, представлявшій собой попытку примирить противниковъ Халкидонскаго собора съ его защитниками, и этою податливостью вызвали подозрѣнія въ партіи строгихъ монофизитовъ. Монофизитство начало терять свое единство и распадаться на части, и это распаденіе особенно замѣтно стало давать себя чувствовать, когда въ 491-мъ году императорскій престоль занялъ Анастасій. Завѣтной мечтой Анастасія было примирить монофизитство съ православіемъ, положить конецъ спорамъ, раздиравшимъ имперію; для осуществленія этой мечты онъ готовъ былъ пожертвовать не только Халкидонскимъ, но и какимъ-угодно соборомъ. Свои старанія Анастасій направилъ къ тому, чтобы поло-

женія, высказанныя въ энотиконѣ Зенона, сдѣлать общезначительными и господствующими въ имперіи, но его политическая ревность, въ примѣненіи къ дѣламъ вѣры, не имѣла успѣха. Патріархъ константинопольскій Македоній, поставленный имъ на мѣсто изгнаннаго Еввоимія, оказался противникомъ его политики и примкнулъ къ сторонникамъ Халкидонскаго собора; оба Петра—Монгъ и Бѣлильщикъ умерли; заявившій антиохійскую каедрю въ 498-мъ году Флавіанъ II, подобно Македонію, также склонялся къ защитникамъ Халкидонскаго вѣроопредѣленія. Монофизиты, такимъ образомъ, остались безъ руководителей, потеряли главныя каедры, и ихъ раздѣленіе пошло такъ далеко, что монофизиты египетскіе прекратили было общеніе съ монофизитами восточными ¹⁾. При такихъ-то обстоятельствахъ и выступилъ на сцену Филоксенъ Іерапольскій. Онъ сдѣлался ревностнымъ помощникомъ императора Анастасія, вновь соединилъ распавшіяся силы монофизитства, открылъ борьбу противъ Халкидонскаго собора и достигъ того, что къ концу правленія Анастасія монофизитство едва было не заняло господствующаго положенія въ византійской имперіи.

Но прежде чѣмъ говорить объ этой дѣятельности Филоскена, мы должны разсмотрѣть одно извѣстіе, касающееся его личности, которое передаетъ Θεодоръ Чтець ²⁾. По разсказу этого историка, вскорѣ послѣ поставленія Филоксена на Іерапольскую каедрю, его городъ посѣтили епископы изъ Персіи и, ознакомившись съ новымъ Іерапольскимъ епископомъ, обвинили его въ томъ, что онъ бѣглый рабъ и никогда не былъ крещенъ, и, какъ таковой, не можетъ считаться законнымъ предстоятелемъ церкви. Когда это обвиненіе сообщено было Петру Бѣлильщику, то послѣдній будтобы отвѣтилъ: „довольно съ него и рукоположенія“. Любопытно, что этотъ разсказъ повторяютъ Теофанъ, Кедринъ, Никифоръ и др.; несомнѣнно-жъ, однако, что историкъ долженъ смотрѣть на него, какъ на басню, пущенную въ ходъ противниками Филоксена. Дѣйствительно ли Филоксенъ былъ рабъ по происхожденію или его родители принадлежали къ классу колоновъ, жившихъ на землѣ

¹⁾ Evagr. H. E., III, 31.

²⁾ Mignr, gr. s., t. 86, 1, c. 216 sqq.

какого-нибудь перса или византійца аристократа и платившихъ особыми повинностями за право пользоваія сю,— это вопросъ неважный, но нѣтъ никакой возможности предполагать, чтобы въ V-мъ вѣкѣ на византійскомъ востокѣ могъ сдѣлаться епископомъ человекъ, не получившій крещенія, могъ входить въ близкія сношенія съ другими епископами и вообще играть видную роль въ церковныхъ дѣлахъ своего времени. И мы имѣемъ ясное свидѣтельство самого Филоксена о томъ, что онъ былъ крещенъ и высоко цѣнилъ это таинство; въ письмѣ къ императору Зенону онъ говоритъ: „я крещенъ во имя Того, Кто былъ мертвымъ, и исповѣдую, что въ крещеніи я облекся въ Того, во имя и смерть Коего я крестился“; также и въ сочиненіи о Троицѣ и воплощеніи онъ пишетъ: „нынѣ и всегда мы держимъ, хранимъ и никоимъ образомъ не разрушаемъ ни знаменія вѣры, ни печати крещенія“. Итакъ, сообщаемое Θεодоромъ свѣдѣніе ложно; но оно не-лишено значенія, какъ намекъ на то, что уже съ первыхъ временъ своего епископства въ Іераполисѣ Филоксенъ встрѣтилъ оппозицію себѣ и долженъ былъ начать борьбу. Впрочемъ, пока антиохійскую кафедру занимали явные монофизиты—Петръ Бѣлильщикъ и преемникъ его Палладій,—Филоксенъ жилъ спокойно; по крайней мѣрѣ о немъ ничего неизвѣстно за этотъ періодъ жизни. Совсѣмъ иначе онъ повелъ себя, когда патріархомъ Антиохіи сдѣлался упомянутый нами Флавіанъ, склонявшійся къ признанію Халкидонскаго собора. Филоксенъ сразу же заявилъ себя непримиримымъ врагомъ этого патріарха, опуталъ его сѣтью своихъ происковъ и не оставилъ его въ покоѣ, пока не добился низложенія. Сначала онъ укорялъ Флавіана въ тайномъ несторіанствѣ, но когда Флавіанъ анаематствовалъ Несторія и его сочиненія, Филоксенъ потребовалъ отъ него, чтобы вмѣстѣ въ Несторіемъ онъ подвергъ анаемѣ Діодора ¹⁾, Θεодора

¹⁾ Вудже вмѣсто Діодора ставитъ здѣсь имя Діоскора, какъ дѣйствительно и читается въ Валезіевомъ изданіи текста Евагрія; но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что это чтеніе ошибочно. Требовать анаемы на Діоскора Филоксенъ не могъ, потому что онъ былъ почитателемъ этого низложеннаго епископа и называлъ его „исповѣдникомъ православной вѣры“. Такъ какъ дѣло шло о несторіанствѣ, то очевидно вмѣсто Діоскора нужно читать Діодора; на него указываетъ и то общество, среди котораго онъ упоминается.

Мопсуестскаго, Θεодорита Кирскаго и другихъ лицъ, которыхъ монофизиты считали учителями или учениками Несторія. „Если ты,—говорилъ Филоксенъ,—не анаѳемствуешь всѣхъ этихъ защитниковъ Несторіева ученія, то ты самъ несторіанинъ, хотя бы ты тысячу разъ и анаѳемствовалъ Несторія и его ученіе“. Борьба съ Флавіаномъ выдвинула Филоксена на первый планъ и сосредоточила на немъ надежды монофизитской партіи; монофизиты увидѣли въ немъ новую опору, и епископы Сиріи и Палестины, „благонріятели Діоскора и Евтихіа“, одинъ за другимъ стали присоединяться къ нему, чтобы вмѣстѣ съ нимъ дѣйствовать противъ Флавіана. Надѣясь успокоить волненія умовъ въ своемъ округѣ, Флавіанъ подписалъ требуемое осужденіе Діоскора и др. и грамоту объ этомъ послалъ къ императору, которому его противники успѣли внушить подозрѣнія на счетъ его убѣжденій. Но партія Филоксена не удовольствовалась и этой уступкой Флавіана; она потребовала теперь, чтобы Флавіанъ прямо осудилъ Халкидонскій соборъ и тѣхъ, кто признаетъ двѣ природы во Христѣ. Весьма характерно это постепенное возрастаніе требованій, предъявляемыхъ къ Флавіану; начавши съ Несторія, осужденнаго всею церковью, Филоксенъ дошелъ до Халкидонскаго собора, то есть, потребовалъ отъ Флавіана ни больше, ни меньше, какъ прямаго перехода въ монофизитство. Это показываетъ, что монофизиты вновь почувствовали свою силу, считали себя господами положенія. И дѣйствительно къ этому времени Филоксену удалось привлечь на свою сторону императора Анастасія, который даже пригласилъ его къ себѣ, въ Византію. Правда, успѣха въ столичномъ городѣ, имѣвшемъ во главѣ православнаго патріарха, онъ не имѣлъ; его прибытіе сюда вызвало такое волненіе, что императоръ нашелъ нужнымъ тайкомъ удалить его изъ столицы; но уже одинъ его вызовъ въ Византію являлся для Флавіана знакомъ, не обѣщающимъ ничего хорошаго. Вскорѣ же Флавіану приказано было подписаться подъ примирительной грамотой Зенона; созвавши соборъ изъ подчиненныхъ ему епископовъ, Флавіанъ издалъ на этотъ разъ документъ, въ которомъ, принимая три первыхъ вселенскихъ собора, осуждалъ Діодора и Θεодора, о Халкидонскомъ же соборѣ добавлялъ, что соглашаясь съ нимъ въ осужденіи Несторія

и Евтихія, онъ не одобряетъ всецѣло его вѣроопредѣленія. Но съ точки зрѣнія строгаго монофизитства и такой документъ былъ неудовлетворителенъ; собора Халкидонскаго онъ прямо и рѣшительно не отвергалъ. Поэтому, Филоксенъ снова обвинилъ Флавіана въ несторіанствѣ и, при содѣйствіи епископовъ Исавріи, составилъ свой соборъ, на которомъ предалъ проклятію Халкидонскій соборъ, посланіе папы Льва 1-го и его единомышленниковъ, потребовавъ, чтобы подъ опредѣленіями его собора подписались Флавіанъ и Македоній. Изъ Сиріи притязанія монофизитской партіи перешли такимъ образомъ въ Византію. Императоръ одобрилъ дѣйствія Филоксена, и когда оба патріарха отказались принять грамоту, изданную его соборомъ, Филоксенъ объявилъ ихъ отлученными отъ церкви. Дѣло Флавіана послѣ этого было проиграно, и его низложеніе и удаленіе изъ Антіохіи оставалось только вопросомъ времени. Окончательный ударъ Флавіану нанесенъ былъ въ 512 году; по повелѣнію императора въ этомъ году состоялся въ Сидонѣ соборъ изъ 80-ти епископовъ Сиріи и Палестины для опредѣленія вѣры. Это былъ соборъ монофизитскій; своею цѣлію онъ поставлялъ „совершенное уничтоженіе Халкидонскаго собора“ и во главѣ своей имѣлъ Филоксена и Сотиріа Кесарійскаго, назначенныхъ въ руководители соборныхъ засѣданій императорскою властію. Впрочемъ, самый соборъ, не смотря на свои широкія намѣренія, окончился ничѣмъ; поведеніе его членовъ было таково, что Анастасій долженъ былъ командировать особаго чиновника для немедленнаго его распущенія, за то онъ далъ Филоксену новыя основанія для обвиненія Флавіана въ двоедушіи. Флавіанъ былъ изгнанъ изъ Антіохіи и на его мѣсто назначенъ Северъ, успѣвшій уже ранѣе заявить себя равностнымъ монофизитомъ. Филоксену пришлось сыграть незавидную роль и при самомъ изгнаніи Флавіана изъ Антіохіи; непосредственнымъ поводомъ къ нему послужилъ бунтъ противъ Флавіана разныхъ пришлыхъ монаховъ, которые явились въ Антіохію по наущенію Филоксена и, какъ подозрѣвали современники, были ими подкуплены. — Борьба съ Флавіаномъ окончилась, такимъ образомъ, полной побѣдой Филоксена, и эта побѣда для Сиріи была вмѣстѣ съ тѣмъ побѣдой монофизитства надъ православіемъ. Самая видная и

важная катедра Сиріи опять досталась монофизитству; подобно Флавіану, по проискамъ Филоксена были изгнаны и другіе епископы антиохійскаго округа, ему негодные; императоръ открыто стоялъ на его сторонѣ, и монофизитство готовилось, по-видимому, сдѣлаться господствующимъ исповѣданіемъ въ имперіи. Позднѣе, на концѣ своей жизни, подводя итоги своей дѣятельности, Филоксенъ не безъ основанія утверждалъ, что всѣ монахи отъ Антиохіи до границъ Персіи держались его исповѣданія, что Едесса была вполне монофизитской и что къ монофизитству склонялась также и Палестина.—Но это торжество Филоксена на самомъ дѣлѣ оказалось непрочнымъ и преждевременнымъ. Въ 517-мъ году умеръ Анастасій, покровитель Филоксена и монофизитства; на византийскій престолъ вступилъ теперь Іустинъ, „царь благочестивый, пламенный ревнитель православной вѣры (Θεοφανής)“, и ходъ церковныхъ событій круто повернулся въ противоположную сторону. Въ слѣдующемъ же году Іустинъ потребовалъ отъ предстоятелей церкви признанія опредѣлений Халкидонскаго собора, и 54 епископа, отказавшіеся сдѣлать это, отправлены были въ ссылку. Въ число ихъ попалъ и Филоксенъ; первоначально его отправили въ Филиппополь во Фракію, но такъ какъ онъ и въ ссылкѣ не прекращалъ своей монофизитской пропаганды, то чрезъ три года его перевели въ Галгры въ Пафлагонію. Здѣсь его помѣстили при одной гостинницѣ, въ каморкѣ, устроенной надъ кухней, заперли дверь и чрезъ отверстие въ полу дали свободный проходъ дыму въ каморку. Филоксенъ задохся. Это случилось, вѣроятно, въ 523-мъ году.

Значеніе Филоксена въ исторіи монофизитства отнюдь не опредѣляется одною его общественною и церковною дѣятельностью; еще болѣе онъ извѣстенъ, какъ плодовитый писатель, обладавшій хорошимъ образованіемъ и прекраснымъ стилемъ. Даже строгій Ассеманъ призналъ Филоксена изящнѣйшимъ изъ сирскихъ писателей, и отзывы современныхъ ученыхъ вполне подтверждаютъ это сужденіе Ассемана. Райтъ (Wright), считающійся однимъ изъ лучшихъ знатоковъ сирской литературы въ Европѣ, прямо называетъ Филоксена „ученымъ и изящнымъ писателемъ“; Нольдеке также видитъ въ немъ „образцоваго сирскаго стилиста, владыющаго языкомъ съ полной свободой“.—Число

трудоу Филоксена очень велико; Бѣджъ насчиталъ 80-ть названій его отдѣльныхъ произведеній, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ собой очень внушительныя по объему трактаты. Однако, до изданія Бѣджа, изъ всей этой литературной производительности Филоксена въ печати были извѣстны только тѣ отрывки, какіе счелъ пужнымъ сообщить Ассеманъ въ его классическомъ трудѣ „*Bibliotheca orientalis*“, и нѣсколько писемъ, напечатанныхъ во Франціи аббатомъ Мартеномъ и въ Англии Grothingham'омъ. Этого, конечно, было недостаточно для того, чтобы дать ясное понятіе о Филоксенѣ, какъ писателѣ. Поэтому изданіе Бѣджа, взявшее на себя задачу познакомить науку съ сочиненіями Филоксена, является солиднымъ въ нее вкладомъ и заслуживаетъ полной признательности. Правда, въ вышедшихъ двухъ томахъ мы далеко еще не имѣемъ законченнаго собранія сочиненій Филоксена и не знаемъ, намѣренъ-ли Бѣджъ продолжать свое изданіе: но и въ этихъ двухъ томахъ, предлагая читателю общій очеркъ дѣятельности Филоксена, перечисляя его труды и сообщая нѣкоторые изъ нихъ въ подлинникѣ и переводѣ, Бѣджъ даетъ намъ возможность составить болѣе отчетливое представленіе о Филоксенѣ, какъ писателѣ, и въ достаточной мѣрѣ знакомить съ его литературными стремленіями. На основаніи перечня Бѣджа, сочиненія Филоксена могутъ быть раздѣлены на четыре класса: а) библейско-эзегетическія и литургическія; б) догматико-полемическія, в) правоучительныя и г) письма къ разнымъ лицамъ. Изъ перваго класса трудовъ Филоксена мы отмѣтимъ, какъ наиболѣе замѣчательный, его буквальный переводъ Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта на сирскій языкъ; составленъ онъ былъ съ помощію хоренископа Поликарпа и оконченъ около 508-го года. У современниковъ этотъ трудъ Филоксена вызвалъ собой удивленіе; Моисей Ангель, извѣстный, какъ переводчикъ сочиненій Кирилла Александрійскаго на сирскій языкъ, называетъ его самымъ выдающимся дѣломъ своей эпохи. Изъ существующихъ въ настоящее время монофизитскихъ общинъ переводомъ Филоксена пользуются яковиты. Въ церковно-историческомъ же отношеніи главное значеніе должно быть признано за сочиненіями догматико-полемическаго характера. Этотъ классъ произведеній Филок-

сена особенно многочисленный; ихъ насчитывается до 23-хъ названій, исключая писемъ, часто имѣющихъ своимъ предметомъ также вопросы вѣры. И это понятно; вопросы догматическіе были самыми жгучими вопросами времени; они руководили всю дѣятельность Филоксена, имъ онъ пожертвовалъ и своею жизнію; неудивительно, поэтому, что и въ своихъ сочиненіяхъ онъ чаще всего обращается именно къ этимъ вопросамъ, Въ нихъ, въ этихъ сочиненіяхъ, онъ является не столько теоретикомъ богословомъ, желающимъ разъяснить предметъ вѣры въ интересахъ отвлеченныхъ, научныхъ, сколько публицистомъ, имѣющимъ въ виду злобу дня, практикомъ, берущимся за перо въ цѣляхъ своей партіи. Отсюда въ его догматическихъ трактатахъ самое широкое мѣсто отводится полемикѣ съ противными ему ученіями; слово „противъ“ читается уже въ самомъ заглавіи многихъ сочиненій этого рода; въ нихъ мы встрѣчаемся съ той же энергичной, далекой отъ всякихъ уступокъ и компромиссовъ борьбой, какую велъ Филоксенъ и въ жизни; только здѣсь эта борьба направляется не противъ лицъ, а противъ системы, противъ ученія. Для изученія эпохи Филоксена, для характеристики ея главнѣйшихъ теченій въ области догматики эти сочиненія имѣютъ первостепенную важность. Къ сожалѣнію, Бѣдѣ успѣлъ издать и перевести лишь очень немногія изъ нихъ, а именно: а) сочиненіе или, скорѣе, записка о различныхъ ересьяхъ (стр. 106; пер. 65); б) двѣнадцать главъ противъ тѣхъ, кто принимаетъ двѣ природы и одно лицо во Христѣ (стр. 104; пер. 36); в) двадцать главъ противъ несторіанъ (стр. 123; пер. 38); г) семь главъ противъ Несторія, Діодора Тарсійскаго, Θεодора Мопсуестскаго и тѣхъ, кто, удерживая ученіе о двухъ природахъ, принимаетъ согласительное посланіе и двѣнадцать главъ Кирилла (стр. 120; пер. 37); д) десять главъ противъ тѣхъ, кои раздѣляютъ Господа нашего послѣ нераздѣльнаго Его единенія (стр. 100); е) исповѣданіе вѣры въ десяти отдѣлахъ, направленныхъ противъ собора Халкидонскаго (стр. 98; пер. 33) и ж) отвѣтъ, какой долженъ давать каждый вѣрующій на вопросъ о вѣрѣ его (стр. 96; пер. 31). Самые важные трактаты Филоксена „о томъ, что одинъ изъ Св. Троицы воплотился и пострадалъ за насъ“ и „о Троицѣ и воплощеніи“ остались и послѣ изданія Бѣдѣ

по прежнему недоступными для общаго пользованія; относительно перваго изъ названныхъ сейчасъ трактатовъ Бѣдъжъ намѣревался было дать нѣкоторыя изъ него извлеченія, но по недостатку времени отказался отъ всего намѣренія. Впрочемъ, и то, что издано Бѣджемъ и перечислено нами, хорошо обрисовываетъ догматическую точку зрѣнія Филоксена и его положеніе въ спорящихъ партіяхъ своего времени. Оно показываетъ намъ въ лицѣ Филоксена упорнаго и послѣдовательнаго монофизиста, непримиримаго противника Халкидонскаго собора. Въ сущности всѣ изданныя Бѣджемъ догматическія сочиненія идутъ противъ этого собора, хотятъ опровергнуть его вѣроопредѣленіе. Самымъ рѣшительнымъ образомъ свое отношеніе къ Халкидонскому собору Филоксенъ выражаетъ въ десяти анаѳематизмахъ, направленныхъ пртивъ него. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: „1) мы анаѳематствуемъ соборъ Халкидонскій за то, что онъ анаѳематствовалъ истинный соборъ 318-ти отцовъ; 4) мы анаѳематствуемъ соборъ Халкидонскій за то, что онъ анаѳематствовалъ Несторія, хотя (на самомъ дѣлѣ) согласился съ нимъ и его ученіемъ; 5) мы анаѳематствуемъ соборъ Халкидонскій за то, что онъ принялъ нечестиваго Льва Римскаго и анаѳематствовалъ Дісскора, исповѣдника православной вѣры; 6) мы анаѳематствуемъ соборъ Халкидонскій за то, что онъ призналъ Иву и Θεодорита православными; 8) мы анаѳематствуемъ соборъ Халкидонскій за то, что онъ въ одномъ Господѣ Иисусѣ Христѣ, едиnorodномъ Сынѣ Божіемъ, различалъ природы, принадлежности, дѣйствія, небесныя и земныя качества и Божественныя и человѣческія свойства и разсматривалъ Его въ двойствѣ, и ввелъ четверицу, и послужилъ простому человѣку... и согласился съ Несторіемъ, который проклятъ и преданъ гибели“. Последній изъ этихъ анаѳематизмовъ заключаетъ въ себѣ центральное обвиненіе Филоксена и всей монофизитской партіи противъ Халкидонскаго собора. Халкидонскій соборъ, признавши двѣ природы во Христѣ, повторилъ ученіе Несторія—вотъ мысль, проникающая полемику Филоксена. Съ полною увѣренностью въ истинѣ онъ рассказываетъ въ своихъ сочиненіяхъ ходившую въ то время среди монофизитовъ басню о томъ, что документы, на которыхъ опиралась дѣятельность Халкидонскаго собора,—дѣянія Констан-

тинопольскаго собора 448 г. и посланіе папы Льва I-го, — были предъявляемы Несторію и вызвали его одобреніе, что самъ Несторій былъ приглашаемъ на Халкидонскій соборъ и въ отвѣтъ на приглашеніе издалъ грамоту, въ которой признавалъ ученіе Флавіана и Льва своимъ ученіемъ. „Что это сказанное мной, — добавляетъ Филоксенъ, — заимствовано не изъ области только слуховъ, а дѣйствительно произошло, объ этомъ я узналъ отъ того лица, кто былъ посланъ къ вызываемому (т. е. Несторію) ¹⁾“. Филоксену этотъ рассказъ казался тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что въ его убѣжденіяхъ признаніе двухъ природъ во Христѣ равнялось признанію двухъ лицъ въ Немъ. Филоксенъ отождествлялъ понятія лица и природы, какъ и всѣ другіе учителя монофизитства, и въ этомъ тезисѣ стоялъ подъ вліяніемъ философіи Аристотеля. Въ двадцати маленькихъ главахъ противъ несторіанъ онъ повторяетъ положенія, заимствованныя изъ метафизики Аристотеля, въ качествѣ неподлежащихъ сомнѣнію истинъ и на нихъ построилъ свои возраженія противъ ученія о двухъ природахъ во Христѣ. „Какъ можешь ты ожидать, — пишетъ здѣсь Филоксенъ, — чтобы я принялъ твое выраженіе „одно лицо“, когда ты говоришь о двухъ природахъ, которыя движутся каждая со своими индивидуальными качествами, свойствами и дѣйствіями? ибо какъ можетъ быть тамъ одно лицо, гдѣ двѣ природы?.. Нѣтъ природы безъ лица, и нѣтъ лица безъ природы; посему, если даны двѣ природы, то должны быть два лица и два сына, такъ какъ если лицо одно, то и природа одна, такъ-же, какъ одно и лицо“. — Обвиняя Халкидонскій соборъ въ несторіанствѣ, Филоксенъ, какъ мы видѣли, анаеаметствуетъ его и за то, что онъ призналъ Цву и Θεодорита право-

¹⁾ См. Asseman. В. О., II, 40; ср. Evagr., II, 2. — Евagriй опровергаетъ этотъ рассказъ двумя соображеніями: а) Несторій былъ анаеаметствованъ соборомъ и б) во время засѣданій собора его не было въ живыхъ. Но оба соображенія, очевидно, не идутъ къ дѣлу. Намъ представляется вѣроятнымъ, что послѣ суда надъ Евтихіемъ въ 448 г. несторіанская партія на Востокѣ могла счесть положеніе дѣлъ благопріятнымъ для Несторія; возможно, что она сообщила ему объ этомъ и предлагала прибыть на предположавшійся соборъ для своего оправданія. Разумѣется, къ самому собору Халкидонскому это ровню не имѣетъ никакого отношенія. Грамота, изданная Несторіемъ по поводу этого приглашенія, или подложна или искажена монофизитами.

славными. Имя Несторія въ его сочиненіяхъ вообще встрѣчается рядомъ съ именами Діодора, Осодора Мопсуестскаго, Осодорита и Ивы, которыхъ онъ считаетъ явными несторіанами. Знаменитые споры о трехъ главахъ, поднятые указомъ Юстиніана, не были такимъ образомъ неожиданностью; почва для нихъ, очевидно, подготовлялась ранѣе, въ эпоху споровъ о Халкидонскомъ соборѣ. Въ этомъ отношеніи любопытно замѣчаніе, присоединенное Филоксевомъ къ его семи главамъ противъ Несторія, Діодора, Осодора и др.: „если нѣкоторые, — говоритъ онъ, — пользуясь коварною хитростью еретиковъ, скажутъ, что нельзя анаематствовать такихъ мужей, которые умерли при исполненіи епископскаго служенія, то касательно Діодора, Осодора и Осодорига отвѣчаю такъ: если цѣтъ поминовенія этихъ мужей въ ихъ церквахъ, если имена ихъ изглажены изъ божественной книги, въ которой вписаны имена апостоловъ, пророковъ, мучениковъ, православныхъ епископовъ и во главѣ ихъ имя Св. Дѣвы Маріи, то почему мы не можемъ анаематствовать ихъ“. Въ этой же связи слѣдуетъ упомянуть и его „семь главъ противъ тѣхъ, кои говорятъ, что должно быть проклинаемо худое въ ученіи еретиковъ, но не сами еретики и не все ихъ ученіе“. Основныя позиціи, занятыя противниками въ спорахъ о трехъ главахъ, были намѣчены уже при жизни Филоксена. — Собственная точка зрѣнія Филоксена на спорный вопросъ времени прямо противоположна ученію Несторія. Извѣстно, что къ началу VI-го вѣка монофизитство распалось на два теченія: одно изъ нихъ, сближавшееся съ православіемъ, утверждало, что человѣчество Христа, воспринятое имъ въ единство Своей Божественной природы и лица, но премѣнилось въ своихъ свойствахъ и законахъ, такъ что человѣческія дѣйствія Христа и страданія относятся не непосредственно къ Божеству Христа, но къ Его плоти. Другое же строго-монофизитское теченіе стремилось возвысить человѣчество Христа надъ всѣми земными ограниченіями и потребностями; оно признавало тѣло Христа нетлѣннымъ, по существу недоступнымъ для человѣческихъ слабостей и страданій, и учило, что оно только добровольно подчинялось человѣческимъ потребностямъ; отсюда и крестныя страданія эта партія прямо относала къ Божеству Христа. Филоксенъ стоялъ въ рядахъ этой послѣдней партіи; по-

этому, часто встрѣчающаеся въ сочиненіяхъ его положеніе: „одинъ изъ Св. Троицы воплотился и пострадалъ за насъ“ было формулой его ученія, символомъ его исповѣданія.

Значительную часть литературнаго наслѣдства послѣ Филоксена составляютъ также его нравоучительныя сочиненія. Назначены они большею частію къ монахамъ, съ которыми Филоксенъ, какъ монофизитъ, имѣлъ самыя тѣсныя связи, и проникнуты духомъ аскетизма. Изданіе Бѣджа главнымъ образомъ и посвящено одному изъ такихъ сочиненій Филоксена, — „бесѣдамъ о христіанской жизни“, составленнымъ въ руководство монашествующимъ между 485—500 гг. Это — очень объемистое сочиненіе; въ англійскомъ переводѣ Бѣджа оно занимаетъ 597 страницъ. Его содержаніе достаточно явствуетъ изъ тѣхъ предметовъ, которые оно обсуждаетъ въ своихъ тринадцати отдѣлахъ; это — вѣра, простота, страхъ Божій, бѣдность, чревоугодіе, воздержаніе, любодѣяніе. Сирскій текстъ этого сочиненія изданъ Бѣджемъ на основаніи 19-ти рукописей его, сохранившихся въ нитрійской коллекціи Британскаго музея. Нѣкоторыя изъ этихъ рукописей обладаютъ очень почтенною древностію: такъ одна (С) принадлежитъ VI-му вѣку, двѣ (D и E) — VI-му или VII-му вѣку, одна (A) — седьмому или восьмому и т. д. Англійскій переводъ, по заявленію Бѣджа, сдѣланъ имъ по возможности буквально, слова же, внесенныя переводчикомъ для поясненія подлинника, отмѣчены особыми знаками. Издавая въ свѣтъ это сочиненіе, Бѣджъ преслѣдовалъ цѣли не церковно-историческія, а филологическія, цѣли изученія сирскаго языка и сирской литературы; въ этихъ видахъ переводу сочиненія Филоксена о христіанской жизни онъ предпослалъ еще переводъ бесѣды болѣе старшаго сирскаго писателя Афраата (337—345) о вѣрѣ, чтобы дать читателю возможность сравнить стиль обоихъ писателей и составить сужденіе объ успѣхахъ, достигнутыхъ сирскимъ литературнымъ языкомъ въ лицѣ Филоксена.

Филоксенъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ историческихъ дѣятелей, которые съ возвышенностію цѣлей соединяютъ благородство дѣйствій и своею личностію приковываютъ къ себѣ симпатіи историка. Противъ частной жизни Филоксена, правда, его противники не представили никакихъ обвиненій, а это вѣрный знакъ, что и повода къ такимъ обви-

непнямъ не было; составленныя имъ правоучительныя сочиненія, обнаруживающія въ немъ знаніе и опытность въ дѣлѣ самоусовершенствованія, даютъ основаніе полагать, что и самъ Филоксенъ склонялся къ подвижнической жизни. Но какъ общественный дѣятель, Филоксенъ не любилъ разбирать средствъ и не прочь былъ низменными путями добираться къ своей цѣли. Человѣкъ энергичный, созданный для борьбы и волненій, не пренебрегающій ничѣмъ, чтобы добить своего противника, онъ своими поступками заплатилъ дань своему бурному времени. Его борьба съ Флавіаномъ навсегда останется чернымъ пятномъ на страницахъ его біографіи. Строго осуждающему его историку Филоксенъ могъ бы сказать только одно: „и со мной поступали также“. Какъ всѣ люди, стоящіе во главѣ одной изъ спорящихъ партій, Филоксенъ вызвалъ непримиримую ненависть у однихъ и почтительное уваженіе у другихъ. Теофанъ называетъ его „нечестивымъ Ксенаемъ“ и говоритъ о немъ, какъ о „служѣ сатаны“; Евагрій самое имя его толкуетъ въ смыслѣ „чуждый Бога“. И какъ ожесточенный противникъ православія, Филоксенъ въ достаточной мѣрѣ заслужилъ эти эпитеты. Но за то тѣмъ выше ставятъ его монофизитскіе писатели. Его насильственная смерть окружила его въ глазахъ послѣдователей ореоломъ мученичества; яковиты причислили его къ лику святыхъ, и память его чтутъ три раза въ годъ. Его сочиненія тщательно изучались писателями его секты, и цитаты изъ нихъ въ сирскихъ рукописяхъ Британскаго музея идутъ рядомъ съ выдержками изъ Кирилла Александрійскаго, Златоуста, Ефрема Сирина и др. Изучающій эпоху монофизитскую съ признательностью воспользуется изданіемъ Бѣджа, знакомящимъ съ личностью Филоксена, хотя и выскажетъ сожалѣніе, что и на этотъ разъ изданы пока еще не всѣ догматическія сочиненія этого писателя и не письма его, которыя, судя по выдержкамъ Ассемана, содержать въ себѣ не мало любопытнаго церковно-историческаго матеріала.

А. Спасскій.
